Едва начало светать, Су Няньань проснулся.

Не потому, что выспался, — просто он почти не спал. В чужом месте, в такой гнетущей обстановке он не мог позволить себе расслабиться даже во сне.

Лёжа на кровати, он долго думал.

В доме Лу он жил из милости, оставаясь декорацией с неопределённым положением. Если хотел здесь выжить и не быть выгнанным Лу Чжиянем, нужно было хоть чем-то доказать свою пользу.

Других талантов у него не было. Он не умел поддерживать светские разговоры, не умел красиво говорить. Единственное, что оставалось, — хорошо заботиться о Лу Чжияне.

Даже если тот его ненавидит и презирает, Су Няньань всё равно должен попытаться сделать хотя бы то, что ему по силам. Может быть, тогда ему позволят задержаться здесь подольше.

Он тихонько поднялся с кровати, не включая свет. В сером утреннем сиянии на ощупь нашёл обувь и обулся.

Он боялся разбудить кого-нибудь и ещё больше боялся рассердить Лу Чжияня, поэтому ступал бесшумно, как осторожный кот.

За дверью гостевой комнаты коридор был совершенно тих. Все двери закрыты, только у лестницы горел слабый ночник.

Су Няньань медленно спустился. Гостиная ещё тонула в полумраке. Кухня находилась в западной части виллы; следуя указателям, он наконец добрался до неё.

Открыв дверь, Су Няньань замер.

Кухня семьи Лу оказалась намного больше, чем он мог представить. Здесь было всё: современные плиты, духовки, посудомоечная машина, кофемашина, целые шкафы продуктов. Свежие овощи, импортное мясо — всё аккуратно разложено по местам. Такой большой и дорогой кухни он не видел никогда.

В доме Су ему разрешали пользоваться только маленькой кухней с задней стороны виллы. Там стояли старая газовая плита и облезлый железный вок, и каждый раз, когда Су Няньань готовил, приходилось быть предельно осторожным, чтобы никому не помешать.

Перед множеством незнакомых приборов и продуктов он тут же растерялся. Не знал, как пользоваться всей этой дорогой техникой, какие продукты Лу Чжияню можно есть, а какие

нельзя даже трогать.

Он долго стоял посреди кухни, прежде чем набрался смелости приготовить самый простой завтрак — рисовую кашу и яичницу.

Это было единственное, что в доме Су он научился делать действительно неплохо.

Су Няньань зачерпнул рис из контейнера, неловко несколько раз промыл и залил водой. На рисоварке оказалось слишком много кнопок; пришлось долго разбираться, прежде чем он нашёл режим для каши и осторожно нажал нужную клавишу.

Потом занялся яйцами. Зажёг газ, разогрел сковороду и налил масло.

Когда брызги горячего масла полетели в стороны, он испуганно отшатнулся, но одна всё же попала на палец. На коже сразу проступила красная точка.

Он поспешно поднёс палец ко рту, подул на ожог и болезненно нахмурился, но не издал ни звука.

Затем разбил яйцо о край сковороды. Скорлупа треснула, белок с желтком вылились на горячую поверхность с громким шипением. Су Няньань в спешке перевернул яйцо лопаткой — оно немного подгорело, края почернели и выглядели совсем неаппетитно.

Провозившись больше получаса, он наконец приготовил миску жидковатой рисовой каши, два подгоревших яйца и маленькую тарелку солений из холодильника.

Он разложил завтрак на белой фарфоровой посуде и поставил всё на поднос. Поднос был фарфоровым и довольно тяжёлым; руки у Су Няньаня дрожали, потому что он боялся что-нибудь пролить.

Прижимая поднос обеими руками, он медленно направился к гостиной. От напряжения сердце металось в груди, как перепуганный кролик.

У самого поворота коридора он столкнулся с двумя служанками в одинаковой форме — полной и худой. Они стояли у стены и разговаривали.

Заметив Су Няньаня с подносом, обе сразу умолкли и окинули его с головы до ног насмешливыми, презрительными взглядами.

Худая скривила губы. Говорила она негромко, но ровно настолько, чтобы он всё слышал:

— Вот деревенщина. Это вообще можно есть? Всё чёрное, подгоревшее, а он ещё смеет нести такое господину Лу.

Полная тут же подхватила с явной брезгливостью:

— Незаконнорождённый и есть незаконнорождённый, в приличное общество не вывести. Наверное, даже на кухне толком никогда не бывал — всё из рук валится, а ещё лезет кого-то обслуживать.

— И на своё место не смотрит. Неужели решил, что и правда стал супругом главы Лу? Всего лишь декорация.

Каждое слово словно тонкой иглой впивалось Су Няньаню в сердце.

Лицо мгновенно залило жаром до самых ушей. Он так сильно сжал края подноса, что пальцы побелели и занемели от боли.

Ему хотелось возразить, сказать, что он лишь пытается сделать хоть что-то полезное. Но слова застряли в горле, и он не смог произнести ни звука.

Су Няньань привык к насмешкам и презрению. Двадцать лет в семье Су научили его проглатывать любые обиды.

Опустив голову, он ускорил шаг, прошёл мимо служанок, не поднимая на них глаз, и постарался как можно скорее добраться до гостиной и поставить поднос.

Каша качнулась и немного выплеснулась на тыльную сторону его ладони. Она была тёплой, но Су Няньань даже не заметил.

В гостиной Лу Чжияня ещё не было. Он осторожно поставил поднос на журнальный столик и замер рядом, растерянно глядя на приготовленный им завтрак.

Каша получилась слишком жидкой, яйца — подгоревшими, соленья лежали криво. Всё выглядело бедно и неказисто и совсем не вписывалось в роскошь дома Лу.

Су Няньань почувствовал ещё большую неловкость. Опустил голову, теребя пальцами край рубашки, а внутри всё сжалось от тревоги.

Он боялся, что Лу Чжиянь увидит этот завтрак, рассердится, обругает его или швырнёт тарелки на пол.

Су Няньань всего лишь хотел хорошо о нём заботиться, хотел выжить здесь. Почему же он не способен нормально сделать даже такую мелочь?

Он стоял посреди холодной гостиной. На плечи падал утренний свет, но не согревал ни капли.

Словно ребёнок, натворивший что-то плохое и ожидающий наказания старших, Су Няньань был полон страха и тревоги.

http://bllate.org/book/20587/2058859